

2. «Юнец» в Политбюро (1978—1981 гг.)

Приход Горбачева к руководству сельскохозяйственным отделом ЦК уже 7 декабря 1978 г. ознаменовался утверждением примерного устава производственного объединения в сельском хозяйстве. Такие объединения должны были в будущем объединить сельскохозяйственные предприятия с предприятиями переработки и научными учреждениями. Это был первый шаг к горбачевской аграрной реформе. В 1979 г. Горбачев был избран кандидатом в члены, а 21 октября 1980 г. — членом Политбюро. *«На заседаниях он, как правило, отмалчивался, — вспоминает о поведении Горбачева на Политбюро В.Гришин, — поддакивал Генеральному секретарю ЦК, со всеми предложениями соглашался. Я никогда не слышал из его уст каких-либо новаторских предложений, несогласия по какому-либо вопросу... Складывалось впечатление, что он ни с кем не хотел портить отношения»*⁹¹. Несмотря на относительно пассивный стиль поведения на Политбюро в 1979—1981 гг., Горбачев импонировал старикам своей энергичностью⁹². Постепенно он становился одной из ключевых фигур в партийном руководстве. Сам он вспоминает о значении своего поста: *«В структуре ЦК секретарь по сельскому хозяйству — ключевая должность, поскольку он постоянно связан со всей страной, с первыми секретарями республиканских ЦК, крайкомов и обкомов. А корпус первых секретарей — вотчина и опора генсека»*⁹³. Горбачев мог легко найти с ними общий язык, а антиминистерская направленность его планов могла помочь и Брежневу, и Андропову в борьбе с кланом Косыгина. Стоило Косыгину прилюдно дружески побеседовать с Горбачевым, как ему сделал замечание Андропов: *«А то я смотрю — тебя уже Алексей Николаевич начал обхаживать. Держись»*⁹⁴. Новая фигура в Политбюро должна была укреплять коалицию, стоявшую за Брежневым и заинтересованную в сохранении равновесия. Андропов поучал Горбачева: *«Мне бы хотелось, Михаил, ввести тебя немного в курс дела. Ты понимаешь, единство сейчас — самое главное. И центр его — Брежнев. Запомни это. Были в руководстве... как бы тебе сказать ... я имею в виду, к примеру, Шелеста или Шелепина, того же Подгорного. Тянули в разные стороны. Теперь такого нет и достигнутое надо крепить»*⁹⁵. Однако из контекста было ясно, что Косыгин с хозяйственниками тоже «тянет в разные стороны».

С самого начала ветераны Политбюро, ответственные за хозяйственные вопросы, пытались «ставить на место» «молодого» секретаря по сельскому хозяйству, пытавшегося «с места в карьер» добиться новых вложений в сельское хозяйство. «Нахapaли лишней техники... — сетовал Кириленко, — или на металлолом сдать будете?.. Деревня на июльском Пленуме отхватила треть капитальных вложений. В село уже столько набухали... Прорва какая-то, все как в дыру идет»⁹⁶.

Вскоре Горбачев в присутствии Брежнева «схлестнулся» и с Косыгиным: «Леонид Ильич, как обычно, поинтересовался урожаем. Я ответил, что надо срочно добавить автомашин Казахстану для перевозки хлеба и центральным областям на уборку свеклы. В разговор вмешался Алексей Николаевич Косыгин, довольно резко стал выговаривать мне: хватит, мол, попрошайничать, надо обходиться своими силами.

— Послушай, — прервал его довольно миролюбиво Брежнев, — ты же не представляешь себе, что такое уборка. Надо этот вопрос решать»⁹⁷.

Косыгин не отступал, продолжая критиковать Горбачева: «Он и его отдел пошли на поводу у местнических настроений, а у нас нет больше валюты закупать зерно. Надо не либеральничать, а предъявить более жесткий спрос и выполнить план заготовок»⁹⁸. В этом конфликте выявилась линия противоречий, в центре которой оказался Горбачев. С одной стороны — отраслевые («ведомственные интересы»), с другой — региональные элиты, опирающиеся прежде всего на аграриев («местнические интересы»). С последними Горбачев действительно «либеральничал», поскольку защищал их интересы. В этом Брежнев сочувствовал Горбачеву. Ощущая за собой поддержку, секретарь по сельскому хозяйству «заявил, что если предсовмина считает, что мною и отделом проявлена слабость, пусть поручает вытрясти зерно своему аппарату и доводит эту продразверстку до конца»⁹⁹. Брежнев потом говорил Горбачеву:

— Ты правильно поступил, не переживай. Надо действительно добиваться, чтобы правительство больше занималось сельским хозяйством¹⁰⁰.

Оказавшись во главе сельскохозяйственного сектора ЦК, Горбачев начал с усиленного внедрения «ипатовского метода», который еще недавно принес такой успех. Это вызвало недовольство части аграрных руководителей. Бывший работник министерства мясомолочной промышленности Ю.Шумахер вспоминает: «От внедрения ипатовского метода крестьяне просто застонали. Дело в том, что в каждой области выбирался свой «ипатовский район», руководитель которого сумел найти «ключи к сердцу начальства». Туда с соседних районов сгонялась техника, там обеспечивалось перевыполнение планов, а соседние хозяйства не могли убрать свой хлеб из-за отсутствия мощностей. В результате одни получали ордена и повышения, а у других хлеб осыпался. Да, если бы в ипатовском методе было бы рациональное зерно, после прихода Горбачева сельское хозяйство бы расцвело. Но ипатовский метод пришлось тихо спустить на тормозах и забыть»¹⁰¹.

В 1978 г. стали проявляться признаки грядущей экономической стагнации, затрагивающей и сельское хозяйство. Горбачев вспоминает: «Могу с

абсолютной убежденностью утверждать, что ни я, ни мои коллеги не оценивали тогда общую ситуацию как кризис системы»¹⁰². Но многое руководителем государства было ясно уже тогда. Выступая на ноябрьском пленуме ЦК, Брежнев сказал: «ряд материальных балансов составлен с напряжением. Сохраняется дефицитность некоторых видов ресурсов... Потери зерна, картофеля, овощей и фруктов остаются весьма значительными...»¹⁰³ Здесь Брежнев и его консультанты обращают внимание на два наиболее уязвимых узла отечественной экономики. Продолжая критиковать ведомства за нерасторопность, они намечают стратегию выхода из кризиса: «Центральные хозяйственные органы, министерства и ведомства медленно осуществляют перевод всей экономики на рельсы интенсивного развития. Они не сумели добиться нужного улучшения качественных показателей работы, ускорения научно-технического прогресса»¹⁰⁴. Начиная с XXV съезда КПСС в 1976 г. в партийные документы все увереннее входило новое устойчивое словосочетание — «ускорение НТП», которое позднее даст название стратегии ускорения, просуществовавшей до 1986 г.

Кризис надвигался и на сельское хозяйство. «В 1978 году объявили о небывалом урожае — 237 миллионов тонн, — вспоминает Горбачев. — Первые же оценки государственных ресурсов, однако, опрокинули эти цифры... Когда его подсушили и довели до нормы, зерна оказывалось много меньше, как минимум на 20—25 миллионов тонн»¹⁰⁵. Тяжелое положение сельского хозяйства было тесно связано с общим экономическим кризисом. В 1979 г. Горбачев столкнулся с грандиозной транспортной неразберихой. Овощи не разгружались в течение недель и гибли тоннами из-за нехватки и неритмичной работы транспорта. В результате, как говорилось в одной из секретных записок, подготовленных ведомством Горбачева, «даже в Москве овощи продаются с перебоями, качество их низкое»¹⁰⁶.

1979 г. стал первым годом затяжного аграрного кризиса, на фоне которого удивительной кажется головокружительная карьера Горбачева, отвечавшего за состояние сельского хозяйства. Однако будущего Генерального секретаря защищал ряд обстоятельств. Во-первых, он стал «человеком Андропова», карьерные успехи и поддержка которого играли гораздо большую роль, чем провалы сельскохозяйственной политики Горбачева. Во-вторых, секретарь по сельскому хозяйству вовремя нашел «объективную причину» кризиса — «эксплуатация» со стороны промышленности и плохая работа министерств. Он предлагал выход и мог сослаться на то, что его предложения пока не реализованы. В-третьих, кремлевские старцы понимали, что кризис имеет более глубокие причины, нежели деятельность секретаря ЦК. В-четвертых, неудачи объясняли погодой — 1979 г. действительно выдался необыкновенно дождливым¹⁰⁷. И, наконец, в-пятых, Горбачев показал себя как энергичный руководитель. В 1981 г., когда план поставок продовольствия оказался на грани серьезного срыва, и Брежнев лично приказал добиться выполнения плана, Горбачев так «насел» на руководителей регионов, что дело удалось поправить¹⁰⁸.

Истощение дотационных возможностей экономики СССР в конце 70-х гг. сказывалось на состоянии сельского хозяйства. А Горбачев предлагал,

как казалось, выход — «раскулачить» эксплуататорские министерства, с помощью мощной техники создать мелиоративные каналы, по-фабричному упорядочить полевые работы. Но на все это нужно время и средства.

В 1979—1982 гг. Горбачев продолжает упорно внедрять свои идеи в официальное общественное сознание. Даже в тех речах, которые не имели прямого отношения к сельскому хозяйству, Горбачев ухитрялся вернуть какую-нибудь из своих сельскохозяйственных идей: *«Известно, каким тяжелым и изнуряющим был труд литовских земледельцев в прошлом. Всю жизнь крестьянин рыл канавы, пытался осушить болота, корчевал пни, стаскивал с полей камни, но ему так и не удавалось по-настоящему улучшить свой клочок земли. Это стало по силам только социалистическому хозяйству. Государство взяло на себя почти все расходы, связанные с мелиорацией земель»*¹⁰⁹, — говорил Горбачев в речи, посвященной 40-летию захвата Литвы СССР.

Но главной темой Горбачева остается борьба с «засильем» аграрных министерств, которая привела секретаря по сельскому хозяйству к идее объединения всех предприятий агропромышленного комплекса в единое «суперминистерство». Понятно, что при таком объединении агропромышленный центр просто не может контролировать все обилие связей и процессов, которые окажутся в его ведении, и реальная власть перейдет на областной уровень, где господствует аграрная элита. Идея разрушения ведомственных барьеров, за которой стояли планы ликвидации самих ведомств, все отчетливее звучит в выступлениях Горбачева:

*«Надо по-настоящему отладить все звенья механизма, связывающего сельское хозяйство с потребителями, обеспечить четкое взаимодействие всего агропромышленного комплекса»*¹¹⁰. *«Формирование агропромышленного комплекса — это объективный, закономерный процесс, который обуславливается потребностями развития страны на современном этапе... Тенденция такова, что доля сельского хозяйства в материальных затратах на производство конечного продукта постепенно снижается, а доля перерабатывающих, фондопроизводящих и обслуживающих отраслей неуклонно возрастает... Как показывает опыт, нынешняя практика планирования развития и функционирования отраслей АПК не всегда обеспечивает их сбалансированность, что приводит к снижению эффективности производства или к потере части уже полученной продукции на той или иной стадии прохождения до потребителя»*¹¹¹.

В 1980 г., после того, как американское эмбарго на торговлю с СССР напомнило о зависимости страны от экспорта зерна, Горбачев добился от руководства решения о разработке специальной Продовольственной программы. Горбачев вспоминает: «В январе 1980 года Брежнев пригласил к себе Громыко, Устинова и меня. Впервые я оказался в столь узком кругу, где фактически принимались важнейшие решения, определявшие судьбы страны. Вначале Громыко и Устинов подробно и весьма оптимистично изложили свои оценки положения в Афганистане. Мне же пришлось докладывать о весьма тревожной продовольственной ситуации. Сообщение успокоило всех присутствовавших. Мне дали поручение подготовить конкретные предложения о том, какой минимум необходимо иметь для

ные предложения о том, какой минимум необходимо иметь для нормального жизнеобеспечения и какие директивы в этой связи должны быть даны МИДУ и Внешторгу. Тогда же впервые я поставил вопрос о необходимости разработки программы, которая освободила бы нас от импорта зерна. Я еще не называл ее «продовольственной», но речь шла именно о ней»¹¹².

Продовольственная программа — первая реформа Горбачева. Первый блин комом. Не та сковорода, не то тесто. Позднее Горбачев был готов уступить авторство, тем более, что первоначальный замысел воплотить в жизнь просто не дали. Но в те первые годы переломных восьмидесятых Горбачев становился творцом истории, от которого уже зависело направление ее руслу. У него уже были социальные идеи, которые воплощались в жизнь через конфликт, через риск потерять все. Горбачев все явственнее становился «человеком идейным». Если бы режим «равновесия» («застоя») в стране был прочнее, это стоило бы Горбачеву карьеры. Но недвижимое равновесие и самая недвижимая фаза интеграции, установленная на закате брежневского правления, изжила себя. Страна и ее олигархи испытывали потребность в реформаторах — своих, вышколенных, осторожных, преданных Системе. Горбачев казался таким — с крестьянской простоватостью и чиновничьим послушанием. Может быть, он и был еще таким. Пока. Когда такой «имидж» помог и Хрущеву занять кремлевский трон...

Над Продовольственной программой работало несколько ведомств, результаты в соответствии с основными идеями Горбачева обобщали академики В.Тихонов, И.Лукинов и А.Никонов, бывший директор Ставропольского сельскохозяйственного института, где Горбачев получил второй диплом — специалиста-аграрника. Под влиянием либеральных экономистов сельскохозяйственный отдел ЦК стал уделять большое внимание также проблеме личных и подсобных хозяйств¹¹³. Уже в 70-е гг. КПСС отошла от прежнего преследования индивидуального сектора. Личная инициатива дала хороший, и главное — бесплатный эффект. Но дальнейшее расширение этого сектора могло оставить колхозы без рабочих рук. Разрушение колхозного сектора означало резкий рост цен и серьезную социальную дестабилизацию. «Но ведь эти люди пользуются всеми благами и привилегиями колхозников», — писал в «Правде» противник расширения индивидуальной инициативы Д.Новополянский¹¹⁴. Но все же Горбачев добился принятия постановления ЦК и Совета министров «О дополнительных мерах по производству сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан».

Продовольственная программа, это детище секретаря по сельскому хозяйству, должна была стать его политическим триумфом и превратить организационные идеи Горбачева в реформы. Замысел заключался в подчинении всех сельскохозяйственных предприятий единому суперведомству. Горбачев вспоминает: «Во главе АПК должен быть стоять общесоюзный Агропромышленный комитет, но ключевая роль должна была принадлежать областным и районным объединениям, призванным собрать «под одной крышей» колхозы и совхозы, предприятия Сельхозтехники, молокозаводы, мясо- и птицекомбинаты, заводы по производству комбикормов и т.д.

Предполагалось, что эти территориальные объединения получат достаточные полномочия, чтобы не испрашивать у Москвы разрешения на каждый свой шаг»¹¹⁵. Таким образом, аграрная элита получала зависимые от нее органы с широкой автономией, которым подчинены перерабатывающие предприятия — производители «дефицита».

Сельскохозяйственный отдел ЦК, возглавляемый Горбачевым, организовал в 1981—1982 гг. целую кампанию в пользу агропромышленной реформы. Даже в предложениях Академии наук к проектам документов XXVI съезда КПСС значилось: «С целью улучшения снабжения населения продовольственными товарами образовать как единое целое агропромышленный комплекс отраслей и ведомств с единым аппаратом управления и плановыми органами»¹¹⁶. Затем в ответ на публикацию в «Нашем современнике» статьи И.Васильева «Рассветное поле» 11 обкомов прислали в ЦК свои «отклики», в которых требовали интеграции агропромышленного комплекса¹¹⁷. В итоге 20 августа 1981 г. было принято решение Политбюро «Записка товарища Л.И.Брежнева по важнейшим проблемам развития сельского хозяйства», в котором предусматривалась разработка путей совершенствования управления АПК¹¹⁸.

Ведомственные хозяйственники (прежде всего Министр финансов В.Гарбузов, министр мясной и молочной промышленности А.Антонов) категорически воспротивились плану Горбачева, тем более, что он предполагал новое перераспределение ресурсов в пользу колхозов и совхозов.

Горбачев считал, что «появилась возможность вновь поставить вопрос о введении справедливых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Оставалось решить — за счет чего?...

— Денег у государства нет, — упрямо твердил Гарбузов в ответ на все мои доводы. — Бюджет на пределе. Откуда их брать, не знаю. Если знаете вы — подскажите. А до этого никакого согласия на повышение закупочных цен не даю. Только через мой труп.

— Дорогой Василий Федорович, — отвечал я ему, — наша задача дать анализ и предложения. А решать будут Политбюро и правительство.

— Нет, — упирался Гарбузов, — это моя работа. Политбюро и правительство меня поставили стоять на страже...

— Я тебе все сказал, — раздражался он. — И большие в дискуссии вступать не желаю. Только через мой труп...

— Такая постановка вопроса для нас неприемлема, — напирал я. — К тому же, Василий Федорович, трудно нам будет через твой труп перешагнуть, — последние слова потонули в хохоте присутствующих, уж очень объемистым был Гарбузов...

— Ну а представьте себе, что будет, в том числе с продовольствием, если начнутся перебои с электроэнергией, горючим, металлом, — парирует Байбаков и рассказывает, как обстоят дела с добычей нефти в Сибири, на Севере. Новые, неосвоенные районы, труднейшие условия, колоссальные затраты...

Кстати, он первым дал мне понять, что многие проблемы страны, в том числе финансирования сельского хозяйства, имели бы решение, если бы не «заповедные зоны», доступ в которые запрещен.

Такой заповедной зоной являлся прежде всего оборонный комплекс. Вот уж где действительно можно было поджимать, урезать и выскрести, ибо темпы увеличения военных расходов намного опережали общий рост национального дохода»¹¹⁹. Так в сознании Горбачева и его единомышленников формировалась увязка интересов аграрной элиты и процесса разоружения. Эта проблема хорошо осознавалась и другими руководителями СССР. «Двум вопросам Леонид Ильич уделял всегда приоритетное внимание — аграрному сектору и военным делам... — вспоминает Горбачев. — Помню, как-то в Ореховой комнате перед началом заседания Политбюро зашла речь об очередном выделении армейских автомашин на уборку урожая. Устинов посетовал на то, что каждая полевая страда выводит из строя значительную часть техники. Тем самым он заранее нацеливался на то, чтобы выжать из Госплана новое пополнение автопарка вооруженных сил.

Толкуя об этом, Дмитрий Федорович как бы между прочим заявил, что понимает значение жатвы, ибо «оборона и хлеб — это главное и это неразделимо». Я счел нужным внести свои коррективы и заметил, что больше склоняюсь к формуле: «хлеб и оборона». Брежнев поддержал меня и, улыбаясь, сказал:

- Наверное, тут Горбачев прав. Но Устинов стал говорить:
- Леонид Ильич, уж вы-то знаете, что оборона — это жизнь.
- А хлеб? — посмеиваясь, ответил Брежнев. — Разве это не жизнь?

Так что вроде бы действительно получалось — «хлеб и оборона». Увы, это была лишь видимость. Из года в год военно-промышленный комплекс усиливал позиции и наращивал свою мощь. И дело тут было не только в личных пристрастиях Брежнева, Устинова или других членов Политбюро. Железная логика развития биполярного, расколотого надвое мира, смертельно опасная для человечества гонка дорогостоящих вооружений делали свое дело. Чтобы выдержать соперничество, необходимы были все большие средства и материальные ресурсы. Буквально из всех отраслей народного хозяйства оборонные расходы высасывали жизненные соки»¹²⁰.

Уже в это время Горбачев видел в сокращении оборонных расходов важный резерв для дальнейшего развития страны. Но эти мысли следовало скрывать, чтобы не рассориться с могущественным военным комплексом и его вождем Устиновым. Дискуссия Горбачева и Устинова не переросла в конфликт, и Министр обороны под влиянием Андропова поддерживал продвижение своего молодого коллеги.

Тем временем политическая борьба продолжала обостряться. После устранения Кулакова и компрометации Романова Андропов при поддержке Генеральной прокуратуры развернул массированное наступление на позиции консервативных бюрократических кланов. В эпицентре борьбы оказался город Сочи, predisполкома которого был тесно связан с Брежневым (здесь Генсек любил отдыхать) и подчинялся Медунову — старому сопернику Горбачева и другу Брежнева.

Еще в 1977 г. Прокуратура и КГБ занялись расследованием деятельности Министерства рыбного хозяйства СССР. По подозрению во взяточничестве были арестованы заместитель министра Рытов и начальник Рыбпром-

сбыта Рогов. Министру А.Ишкову пришлось уйти в отставку. Но на этом дело «Океан» (название фирменных магазинов рыбной продукции) не закончилось. Нити потянулись в Грузию и Краснодарский край. В Грузии дело не получило большого развития — там сидел сторонник Андропова Э.Шеварднадзе. А в Сочи прошла волна арестов чиновников торговли. После нескольких неудач прокуратуре удалось наконец арестовать сочинского предисполкома, серьезно поколебав позиции его покровителей. Удалось собрать компромат и на первого секретаря сочинского горкома А.Мерзлого и секретаря крайкома А.Тараду. Тарада, курировавший торговлю в крае, был арестован. У него обнаружили значительные денежные средства и ценности. До Медунова оставался один шаг, но тут Тарада скончался в тюрьме¹²¹.

Тогда Медунов сделал удачный ход. Он сам обратился в секретариат ЦК с просьбой провести проверку деятельности Мерзлого. Таким образом, в следствие вмешались партийные органы, где влияние Медунова было сильнее. 9 апреля 1981 г. Секретариат ЦК и Комиссия партийного контроля (КПК) поручили провести проверку на месте. Созданной ими комиссии «в процессе проверки не удалось получить достаточно убедительных доказательств того, что Мерзлый брал взятки. В то же время установлено, что он допускал факты неразборчивости в своих связях с торговыми работниками, использовал служебное положение в личных целях»¹²². Арестованный заместитель управления сочинской конторы «Курортпродторг» А.Скубиенко на следствии показал, что после содействия Мерзлого своему назначению на должность бесплатно снабжал первого секретаря горкома деликатесами. Те же обвинения исходили от руководителей оптовой базы рыбпромсбыта и рыбозавода. Мерзлый прием деликатесов подтвердил (это было несложно доказать), но утверждал, что за все заплатил. Его версию опровергнуть не удалось. Крупным нарушением Мерзлого считалось строительство садового домика размером целых 25,8 квадратных метров (несколько меньше однокомнатной квартиры). Все-таки в два раза больше нормы для этого района¹²³.

В ходе проверки были выдвинуты обвинения в адрес следственных органов: «считаем необходимым доложить, что в ходе проверки ряд товарищей, приглашенных на беседу, указывали на факты неправильных действий отдельных работников прокуратуры, которые заставляли давать компрометирующие данные на секретарей городского комитета партии т.т. Гавриленко В.Ф., Тронова В.П., Мерзлого А.Г., председателя горисполкома Удотова А.И., его заместителей, секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов г. Сочи»¹²⁴. Сегодня уже нельзя установить, было это заявление вызвано давлением местной «мафии», или следователи «перегнули палку». Скорее и то, и другое одновременно. Тайная война следствия и регионального партийно-хозяйственного руководства была тесно связана с насилием против свидетелей. Эта ситуация будет в массовых масштабах повторяться в Средней Азии и других регионах. Следователи «выдавливали» показания на виновных и невиновных, «мафии» тоже не стеснялись в средствах. 16 июня 1981 г. дело Мерзлого рассмотрел секретариат ЦК, ко-

торый принял решение отстранить первого секретаря сочинского горкома от должности и привлечь его к партийной ответственности¹²⁵. Однако для Медунова это была победа: следствие было серьезно скомпрометировано.

В августе замминистра рыбного хозяйства Рыгов был приговорен к смерти. Одновременно был арестован замминистра торговли РСФСР Лукьянов. Но материалы о злоупотреблениях следователей уже пошли в ход. Призрак 1937 г. неприятно будоражил память кремлевских старцев. В ноябре 1981 г. начальник следственного отдела Генеральной прокуратуры В.Найденов был снят с должности, и расследование курировавшихся им дел притормозилось.

Одновременно КГБ и члены клана Андропова вели наступление против «мафий» в других регионах. Ситуация накалилась. Отчасти с этим связана высокая смертность среди партийных руководителей в это время. В 1978—1981 гг. погибли или внезапно умерли Министр внутренних дел Азербайджана Гейдаров и его заместитель Кязимов, председатель совета министров Грузии Патаридзе, председатель совета министров Киргизии Ибрагимов, первый секретарь ЦК КП Белоруссии Машеров, Якутии — Черняев, Татарии — Мусин, Таджикистана — Расулов, секретарь Президиума Верховного совета Георгадзе, вторые секретари ЦК КП Украины Соколов и Ленинградского обкома Суслов и другие чиновники, охранявшиеся КГБ. Конечно, некоторые лица из этого списка умерли самостоятельно, некоторые, как Машеров — в результате несчастного случая, но иногда насильственный характер смерти можно считать установленным. Так, Ибрагимов был застрелен у себя дома (по официальной версии — «маньяком»), Гейдаров и Кязимов — у себя в кабинете («недовольным» сотрудником МВД). Нервотрепка, связанная с постоянной угрозой разоблачений также не способствовала поддержанию здоровья вождей.

Образовавшиеся вакансии заполнялись сторонниками двух враждующих сторон. Клан Косыгина не выдержал напряжения схватки и распался, а сам Косыгин, уже тяжело больной, 22 октября 1980 г. был смещен с поста премьер-министра. 18 декабря он скончался. С уходом Кулакова и Косыгина усилился не только «пуританский» клан (опиравшийся на силовые структуры, ВПК и часть региональных элит), но и клан Брежнева — консерваторы, традиционно опиравшиеся на сильные республиканские организации КПСС — украинскую, казахстанскую, узбекистанскую. После ухода Косыгина в этот же лагерь перешли руководители хозяйственных ведомств. Ситуация на время стабилизировалась. Символом стабильности стал XXVI съезд КПСС, прошедший 23 февраля — 3 марта 1981 г. Кадровые перемены, санкционированные съездом, были минимальны. Например, кандидатом в члены ЦК был избран первый заместитель министра внешней торговли Юрий Брежнев — сын Генерального. Критическая ситуация в мире и признаки экономического кризиса в стране консолидировали партию. Брежнев поставил перед ней новую задачу: «Экономика должна быть экономной». Этот лозунг определил стратегию экономической политики на 80-е гг. — поиск более эффективных форм хозяйства. Постановление съезда призывало «обеспечить эффективное использование природных, материальных и тру-

довых ресурсов как решающий и наиболее действенный способ приумножения народных богатств страны...»¹²⁶ Но как этого добиться — оставалось загадкой, решать которую придется уже следующим поколениям руководителей. Важным итогом съезда стало также постановление о разработке новой редакции Программы КПСС, которая к этому времени выглядела вызывающе утопичной.

Несмотря на сопротивление ведомственной бюрократии, на XXVI съезде партии была анонсирована Продовольственная программа, хотя ее содержание и оставалось неясным. А пока Горбачеву приходилось бороться с последствиями тяжелой засухи 1981 г. «по старинке» — обсуждая с аппаратом технологические детали сельскохозяйственного производства¹²⁷.

Для Горбачева было принципиально важным, что правительство возглавлял теперь ставленник Брежнева Н.Тихонов — отныне ненавистные министерства получили поддержку Генсека.

ТИХОНОВ Николай Александрович (1905—1997)

В 1930 г. окончил Днепропетровский металлургический институт. В 1933—1947 гг. работал начальником цеха, инженером, главным инженером на заводах в Днепропетровске и Первоуральске. В 1940 г., в возрасте 35 лет, вступил в КПСС. В 1947—1950 гг. — директор Южнотрубного завода в Никополе. Здесь знакомится с Брежневым, что предопределяет его дальнейшую карьеру. В 1950—1955 гг. Тихонов — начальник Главного управления министерства черной металлургии СССР, в 1955—1957 гг. — заместитель министра черной металлургии, в 1957—1960 гг. — председатель Днепропетровского СНХ, в 1960—1963 гг. — заместитель председателя Государственного научно-экономического совета СМ СССР в ранге министра, в 1963—1965 гг. — заместитель председателя Госплана СССР в ранге министра, в 1965—1976 гг. — заместитель председателя, в 1976—1980 гг. — первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1961—1966 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС, в 1966—1989 гг. — член ЦК КПСС. Кандидат в члены Политбюро в 1978—1979 гг. Член Политбюро в 1979—1985 гг. В 1980—1985 гг. — Председатель Совета министров СССР¹²⁸.

Позиция Брежнева в отношении горбачевских антимиистерских планов с уходом Косыгина переменялась. Между тем именно после XXVI съезда подготовка Продовольственной программы вошла в завершающую стадию. В своих выступлениях Горбачев продолжал апеллировать к аграрным руководителям, напоминая, что разработка программы — «дело не только центральных ведомств»¹²⁹, что его, Горбачева, курс позволил «выбить» новые закупочные цены и даст еще многое. Горбачев остро нуждался в поддержке аграрной верхушки.